

УДК 94(470.51)''1941/1945'':331(=112.2)(045)

*А.А. Шепталин***МОБНЕМЦЫ (ТРУДАРМЕЙЦЫ) НА ТЕРРИТОРИИ УДМУРТИИ В 1941–1945 ГОДАХ**

Статья повествует о функционировании групп советских мобнемцев-трудоармейцев в Удмуртской АССР в годы Великой Отечественной войны. Объектом рассмотрения стали трудмобилизованные советские немцы, направленные в 1941 г. в Удмуртию из восточных областей Украины и Крыма, снятые из воинских частей военнотрудовые из числа советских немцев, а также трудоармейцы, направленные в г. Сарапул из Казахстана в конце 1942 г. Целью статьи является уточнение ряда малоизвестных фактов на основе вновь вводимых в научный оборот рассекреченных архивных документов по немцам-спецпоселенцам. Важным дополнительным инструментом стали не отраженные в официальных источниках сведения, полученные посредством интервьюирования ветеранов-участников событий. Показаны основные этапы появления и локализация мобнемцев на объектах народного хозяйства Удмуртии. Дана общая характеристика условий их жизни и взаимоотношений с органами власти и местным населением.

Ключевые слова: советские немцы, мобнемцы, трудоармия, трудоармейцы, строительные батальоны.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-3-598-603

Активно развернувшееся в постсоветский период историко-этнографическое изучение репрессированных народов в полной мере затронуло и российских немцев. Однако надо признать, что на современной «немецкой» карте России в силу ряда причин до сих пор сохраняются некоторые белые пятна, требующие ликвидации. На фоне обширной историографии о немцах-трудоармейцах на Урале [см., напр.: 6; 8–10] актуальность комплекса вопросов, связанных с функционированием групп советских мобнемцев (трудоармейцев) на территории Удмуртской АССР в 1941–1955 гг., обусловлена его недостаточной изученностью и тем обстоятельством, что соответствующие архивные документы были полностью рассекречены лишь совсем недавно, в конце 2020 г. Вследствие этого региональная историография проблемы, долгое время базировавшаяся на интервьюировании участников тех событий, сравнительно невелика [11–13].

Цель статьи – уточнение обстоятельств появления и функционирования групп советских мобнемцев в Удмуртии в 1941–1945 гг. на основе вновь вводимых в научный оборот архивных источников. Важным дополнительным инструментом стали новые сведения, полученные методом устной истории в результате работы с ветеранами в центрах немецкой культуры в гг. Ижевске, Глазове, Сарапуле и п. Ува.

Как известно, указ Президиума Верховного Совета СССР № 21-60 от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» лишь официально узаконил проводимую с начала августа депортацию. По мере стремительного продвижения германских войск на восток руководством СССР еще июле 1941 г. было принято решение о переселении немецкого населения вглубь страны – в Казахстан, Сибирь и Среднюю Азию.

В этом указе утверждалось, что у военных властей имеются достоверные данные, что «...среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы...», в связи с чем Государственному комитету обороны предписывалось «...срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и наделить переселяемых немцев землей и угодьями в новых районах» [1. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 49. Л. 151–152]. Между тем по объективному признанию авторитетных специалистов, в частности Л. де Йонга, «...среди обнародованных архивных документов пока нет ни одного, который позволял бы сделать вывод о том, что между Третьим рейхом и немцами, проживавшими на Днестре, у Черного моря, на Дону или в Поволжье, существовали какие-либо заговорщицкие связи» [7, с. 359].

К концу сентября 1941 г. из фактически прекратившей свое существование АССР Немцев Поволжья, законодательно, кстати, не упраздненной, было выселено в общей сложности 446 480 чел. немецкой национальности [5]. Территория республики подлежала разделу между Сталинградской и Саратовской областями. Депортации подверглись и немцы, проживавшие в Москве, Ленинграде, других крупных городах, на Украине, на Кавказе и в Крыму. Их переселяли в течение второй половине 1941 г. Основными местами размещения российских немцев были определены Казахская ССР, Ал-

тайский край, Красноярский край, Новосибирская и Омская области. К концу 1941 г. переселение немцев в основных чертах завершилось, значительная их часть была в принудительном порядке «мобилизована» на строительные объекты и промышленные предприятия Урала.

В Прикамье первая группа перемещенных советских немцев появилась в сентябре 1941 г. – это были мужчины призывного возраста от 17 до 60 лет из Восточной Украины, Крыма и Северного Кавказа, депортированные на основании закрытого постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 августа 1941 г. «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР» [3. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 6]. Поскольку они были мобилизованы в строительные батальоны, то в годы войны они чаще всего фигурировали в качестве мобнемцев.

Одновременно в Удмуртию стали прибывать партии военнослужащих немецкой национальности, на основании директивы Народного комиссариата обороны СССР от 8 сентября 1941 г. снятых «из частей, академий, военно-учебных заведений и учреждений Красной армии как на фронте, так и в тылу» [4. Оп. 2. Д. 41. Л. 152]. Многие из них уже успели героически проявить себя в боевых действиях и даже получить награды. По свидетельству участников событий, только тогда они узнали о репрессивном указе от 28 августа 1941 г. и долгое время не могли поверить во все происходящее – в надуманные обвинения, в ликвидацию автономии, в депортацию сотен тысяч человек: «Это невозможно, ведь мы в Советском Союзе живем, а не где-нибудь» [ПМА].

Военнослужащих по факту не демобилизовали, а наряду с мобнемцами направляли в строительные батальоны, получившие позднее неофициальное название «трудоармия». На севере Удмуртии, в Глазове, дислоцировался 509-й строительный батальон, занятый главным образом на строительстве корпусов оборонного завода. В центральной части Удмуртии, преимущественно на территории Вавожского, Старо-Зятцинского, Сюмсинского, Увинского и Якшур-Бодьинского районов (поселки Кильмезь, Какмож, Ува, Лумпово, Лынга, Пастухово, Чур и др.), дислоцировались колонны и отряды 133-го строительного батальона, занимавшиеся заготовкой деловой древесины и капитальным строительством объектов в леспромхозах и на торфопредприятиях. Одной из первых в октябре 1941 г. в п. Лумпово прибыла партия снятых из воинских частей советских немцев численностью 64 чел. [2. Ф. 60. Л. Оп. 1. Д. 20. Л. 50].

В конце 1941 г. общая численность размещенных в Удмуртии трудмобилизованных немцев, включая бывших военнослужащих и выселенцев с Украины и Крыма, составила 1689 чел. [8, с. 76]. Из-за нехватки жилья и продовольствия в 1942 г. почти половина из них была перенаправлена в соседние области. Оставшиеся в большинстве своем распределялись в леспромхозы треста «Ижлес» на лесозаготовку и лесопиление. Древесина была нужна в огромных количествах для военной промышленности, для строительства новых производственных корпусов сорока эвакуированных в республику предприятий и жилья прибывшим вместе с ними работникам. После потери Донецкого угольного бассейна ТЭЦ Удмуртии для бесперебойного обеспечения оборонных заводов и фабрик электроэнергией были переведены на сжигание дров. Кроме того, республика должна была обеспечивать дровяным топливом интенсивное движение по крупным железнодорожным магистралям, пересекавшим Удмуртию на севере и юге.

Наличие профессионального опыта и специальность, как правило, в расчет не принимались. Исключение составляли, пожалуй, лишь механики-мотористы, электрики, плотники и каменщики. По этой причине эффективность труда трудмобилизованных была очень низкой.

Поскольку украинские немцы были мобилизованы в спешном порядке и не проходили никаких медкомиссий, среди них оказалось немало лиц, страдавших различными хроническими заболеваниями и даже имевших инвалидность. Нехватка продовольствия, высокие нормы выработки, лютый мороз и жизнь в холодных бараках-«клоповниках», в которых на одного человека приходилось в среднем 1,2 кв. метра площади, быстро истощали даже закаленных и подготовленных людей. Горячей пищей кормили в столовых дважды в день – утром перед выходом на работу и вечером после возвращения в бараки. На обед выдавали сухой паек хлебом, калорийность которого была низкой из-за его плохого качества.

Уже в первую зиму 1941–1942 гг. среди мобнемцев-трудоармейцев имела место смертность от приобретенной дистрофии, в первую очередь среди лиц, не привычных к тяжелому физическому труду. Ряд смертельных случаев и множество производственных травм были связаны с отсутствием на лесоповале надлежащего обеспечения элементарных правил техники безопасности.

Каждую зиму было много случаев обморожений, т. к. не хватало теплой одежды, а на работы выводили даже в сильный мороз. В условиях острого дефицита медикаментов настоящим бичом мобнемцев стали пневмония, язва желудка, туберкулез, фурункулез и кожные болезни. Завшивленность была поголовной. Истощенных и обмороженных комиссовали, поэтому контингент постепенно редел. Случались и побеги, и осуждения к лишению свободы за антисоветские разговоры, за «саботаж», проявлявшийся в требованиях улучшения питания, а также обеспечения обувью и одеждой. За отказ выйти на работу грозила высшая мера – расстрел.

В феврале 1942 г. в республике, как и по всей стране, были мобилизованы все «местные», то есть постоянно проживающие в данной местности мужчины немецкой национальности в возрасте от 17 до 50 лет, коих, впрочем, было лишь несколько десятков человек.

В апреле – мае 1942 г. прежние строительные батальоны в Удмуртии расформировали, а их контингент, включая мобнемцев, в составе рабочих колонн перераспределили по леспромхозам, торфопредприятиям, на строительство ширококолейных железных дорог Люкшудья – Ува – Кильмезь и Ижевск – Балезино, а также многочисленных узкоколейных железных дорог для вывоза леса и торфа. Часть мобнемцев была направлена в 1942 г. на крупное Дзякинское торфопредприятие, закреплённое за патронным заводом № 544 в Глазове. Несколько сотен человек в течение 1942–1944 гг. были переведены из Удмуртии на объекты Урала.

В критический момент битвы на Волге, на основании постановления Государственного комитета обороны от 7 октября 1942 г. существенно расширились параметры трудовой мобилизации советских немцев – теперь это были мужчины в возрасте от 15 до 55 лет, а также женщины от 16 до 45 лет, причем не только бездетные, но и имевшие детей старше трех лет, которых они должны были передать на воспитание родственникам. Большинство вновь мобилизованных попали в лагеря трудармии на Урале, практически не отличавшиеся по условиям содержания от мест заключения. Как известно, немцы-трудармейцы выполняли самые тяжелые работы, а их правовой статус был значительно ниже, чем у военнопленных, права которых защищались Международным комитетом Красного Креста, Гагской конвенцией 1907 г. и «Положением о военнопленных» от 1941 г.

В Удмуртии самая крупная группа мобнемцев дислоцировалась в Сарапуле, куда она была доставлена эшелонами из Алма-Аты 12 декабря 1942 г. по линии «Главнефтьстроя» в количестве 507 чел. обоюбого пола [2. Ф. 60. Л. Оп. 1. Д. 20. Л. 59]. Первоначально все прибывшие были трудоустроены на машзавод им. Дзержинского, преимущественно в качестве токарей, слесарей и разнорабочих. Разместили контингент за городом, в районе шпалозавода, в охраняемом лагере, окружённом забором и колючей проволокой. Жили трудмобилизованные в двух больших бараках – мужском и женском, каждый из которых отапливался лишь одной печью. Спали на трёхъярусных нарах, на работу и обратно ходили строем и под конвоем. Одежда и обувь мобнемцев настолько не соответствовали местным морозам, что горожане не могли на них смотреть без сожаления и помогали, кто чем мог [ПМА].

В городах жилось и работалось несколько легче. На лесоповале же условия были настолько тяжелыми, что, случалось, некоторые отчаявшиеся отрубали себе пальцы на руках в надежде на попадание на больничную койку и последующее комиссование [ПМА]. Особенно сложным выдался период с октября 1942 до весны 1943 г., когда были урезаны и без того скудные продовольственные нормы, которые и ранее по большинству позиций не соблюдались, особенно по мясу и сливочному маслу. Это был замкнутый круг – истощенные люди не выполняли дневную норму, вследствие чего получали минимальный рацион питания, недостаточный для выполнения тяжелого физического труда.

Кто выполнял дневную норму, тот старался не выпадать из этой категории, чтобы иметь право на дополнительный паек. Летом плановую норму выработать было легче, поскольку рабочий день фактически совпадал со световым и мог продолжаться до 14 часов. Надо заметить, долгие переходы к месту работы и обратно не всегда засчитывались в рабочее время.

В отличие от осужденных исправительно-трудовых лагерей и военнопленных трудармейцы в Удмуртии долгое время носили военную форму Красной армии, в том числе списанную из госпиталей – заштопанную, иногда и с непростирытыми пятнами крови. К этому времени верхняя одежда у большинства уже превратилась в латанные-перелатанные лохмотья, а обувь у многих представляла собой затейливые галошоподобные конструкции с применением самых разных материалов, от лыка и бересты до автопокрышек. Зимние портянки делали из сукна, срезанного с нижней части воинских шинелей.

Практически с самого начала у мобнемцев установились нормальные отношения с местным населением, которое воспринимало их, кто – как «проштрафившихся» красноармейцев, кто – как без-

винно пострадавших из-за национальности. В какой-то мере поначалу опасались, но практически никто, за редким исключением, не воспринимал их в качестве потенциальных врагов. Наученный жизнью и репрессиями 1930-х гг. сельский народ был мудр и осторожен в оценках. Да и, надо заметить, что среди мобнемцев было немало идейных комсомольцев, встречались даже члены партии.

По благодарным воспоминаниям многих трудармейцев, местные женщины в буквальном смысле спасали им жизни куском хлеба или тёплыми вещами, оставшимися от ушедших на фронт сыновей и братьев [ПМА]. Конечно же, завязывались знакомства с местными девушками, и со временем фактически повсеместно в Удмуртии, где бы ни были размещены мобнемцы, возникали межнациональные семьи, в том числе довольно часто – немецко-удмуртские.

Труднее приходилось тем, кто плохо говорил по-русски, а были и такие. Тем не менее, благодаря исключительному трудолюбию и прилежности, немцы постепенно завоевывали полное доверие к себе, как, например, рядовой Э. Е. Берг. В конце октября 1941 г. его вместе с другими военнослужащими немецкой национальности, снятыми с фронта, отправили из Москвы в Ижевск. Затем их группу без всякого сопровождения направили в с. Якшур-Бодья, а оттуда в п. Лумпово, в Пастуховский леспромхоз. Проработав там до мая 1942 г. и зарекомендовав себя с наилучшей стороны, Берг был переведен в Ижевск, где ему была поручена работа сначала шофера-экспедитора в торговом отделе продуктового снабжения, а затем и заведующего продовольственным складом. Как Эдмунд Егорович не без гордости отмечал, он в какой-то момент оказался одним из немногих, кому могли доверить доставку бочек со спиртом по всей республике. В 1943 г. Берг женился на русской девушке, как и многие мобнемцы в Удмуртии, и они официально зарегистрировали брак, не встречая препятствий со стороны властей и НКВД. Берг при этом, прекрасно понимая специфику своего статуса, сам предложил супруге остаться на девичьей русской фамилии – «мало ли как жизнь повернётся» [ПМА].

Справедливости ради надо отметить, что в отличие от Урала трудармейцы-мобнемцы не испытывали в Удмуртии особых притеснений со стороны местной власти и НКВД. Жили они в большинстве своем не в лагерях за колючей проволокой с вышками и автоматчиками, а в рабочих поселках и зонах предприятий. Конечно же органы госбезопасности строго их контролировали, развивая систему доносительства и деля спецпоселенцев на категории. Неблагонадежных привлекали к уголовной ответственности и отправляли в исправительно-трудовые лагеря по соседству, где условия содержания были еще хуже. Наиболее благонадежным доверяли работу в городах и даже в некоторых цехах оборонных предприятий. В сельской местности дефицит образованных кадров был настолько велик, что некоторые мобнемцы становились учителями и даже директорами школ, преподавателями педучилищ, бухгалтерами, механиками, технологами, бригадирами, и т. п.

Пожалуй, самой ответственной миссией, для выполнения которой отбирали «идейно подкованных» мобнемцев, хорошо владевших литературным немецким языком, была работа переводчиками-агитаторами в лагерях и лаготделениях для военнопленных, создававшихся в Удмуртии с весны 1942 г. Так, в 1943 г. из числа сарапульских мобнемцев в распоряжение ГУЛАГ НКВД были откомандированы Альбина Баллах, Александр Гренц, Нелли Завацкая, Артур Ланге и Берта Ян, которые позднее даже числились на учёте спецкомендатур [2. Ф. 60. Л. Оп. 1. Д. 20. Л. 60]. С лесоповала пришел в переводчики, а затем политинструкторы в лагере для военнопленных В. Е. Майер, будущий д-р ист. наук, профессор-медиевист, ставший известным специалистом по обычному праву средневековых германских общин-марок. Уже в 1945 г. он, преодолев определенные бюрократические препоны, смог продолжить заочное обучение в МГУ, в том числе и в аспирантуре.

Согласно данным НКВД-МВД за годы войны «в республику всего прибыло мобилизованных немцев 870 человек», из которых 9 умерли, 150 были комиссованы по состоянию здоровья, 84 дезертировали (36 мужчин и 48 женщин), 19 оказались в местах заключения [2. Ф. 60. Л. Оп. 1. Д. 20. Л. 151об]. На основании отчетов спецкомендатур послевоенных лет, за 1948–1949 гг., можно предполагать, что и в военное время советские немцы, отваживавшиеся на протест против произвола и беззакония, чаще всего привлекались к уголовной ответственности по печально знаменитым ст. 58.1 – за «контрреволюционную деятельность» и ст. 58.1а – за «измену Родине».

На начало 1944 г. в Удмуртии числилось лишь 630 мобнемцев [10, с. 88–89]. В тот год постепенно улучшились продовольственное и вещевое обеспечение, а также условия труда и общего содержания. Мобнемцы за свой труд даже стали в полной мере получать заработанные деньги, значительная часть которых ранее по различным причинам просто удерживалась.

С конца 1944 г. на леспромхозы и торфопредприятия Удмуртии стал поступать контингент трудмобилизованных и осужденных граждан с Западной Украины («оуновцы» и члены семей) и Прибалтики, а также освобождённые из плена бывшие бойцы Красной армии. С этого времени прошедшие суровую проверку на верность Родине мобнемцы перестали рассматриваться в качестве «неблагонадёжного элемента». Более того, многие из них позднее были награждены медалями «За трудовую доблесть» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Тем не менее на основании постановления СНК СССР № 35 от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев» все мобнемцы были прикреплены к спецкомендатурам и не имели права без разрешения коменданта отлучаться за пределы района расселения.

Ужесточение учета спецпоселенцев началось уже после окончания войны, когда осенью 1945 г. в Удмуртию несколькими партиями прибыли 8624 немца-репатрианта [2. Ф. 60. Л. Оп. 1. Д. 20. Л. 150]. Учет немцев-спецпоселенцев теперь стал вестись по трем категориям: «мобилизованные», «выселенцы» и «репатрианты».

Начавшаяся в 1945 г. демобилизация некоторых категорий мобнемцев-трудоармейцев, обусловленная полом, возрастом и состоянием здоровья, ускорила с весны 1946 г. В связи с ликвидацией рабочих колонн в Удмуртии бывшие мобнемцы переводились в категорию спецпоселенцев-выселенцев, часть которых, главным образом возрастные и комиссованные, получила при этом возможность либо выехать к своим депортированным в районы Казахстана, Сибири и Средней Азии родственникам, либо, наоборот, пригласить оттуда свои семьи. Первый вариант был проще, поскольку мобнемцы в отличие от большинства спецпоселенцев имели паспорта. Преодолевая бюрократические препоны, через обращения, разрешения и согласования медленно начался процесс воссоединения раскиданных волею судьбы и тоталитарной системы семей советских немцев, растянувшийся на десятилетия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7523. Верховный Совет СССР (1937–1989).
2. Информационный центр МВД по Удмуртской Республике (ИЦ МВД по УР). Ф. 60. 4-е Спецотделение МВД Удмуртской АССР.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Центральный комитет КПСС (1898–1991).
4. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 23-й гв. стр. дивизии.
5. Бугай Н. Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-х гг. // История СССР. 1989. № 6. С. 135–144.
6. Герман А. А., Курочкин А. Н. Немцы СССР в трудовой армии 1941–1945 гг. М: Готика, 2000. 206 с.
7. Ионг Луи де. Немецкая пятая колонна во Второй Мировой войне. М., 1958. 447 с.
8. Кириллов В. М. Трудмобилизованные немцы на Урале // «...В рабочие колонны на все время войны». Очевидцы и исследователи о немцах в трудовой армии: Сб. научн. статей и воспоминаний. М.: МСНК-пресс, 2012. С. 77–125.
9. Киссер Т. С. Советские немцы в трудармии на Урале: факторы формирования лагерной идентичности // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 2 (18). С. 270–279.
10. Маламуд Г. Я. Спецконтингент. «Мобилизованные немцы», заключённые и спецпоселенцы на Урале в 1940-х–50-х гг. Челябинск, 2004. 233 с.
11. Шепталин А. А. Немцы в Вятско-Камском регионе (историко-этнографические очерки): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Удмуртский гос. ун-т. Ижевск, 1996. 28 с.
12. Шепталин А. А. Немцы в Удмуртии: история и современность. Ижевск: Видергебурт, 2020. 328 с.
13. Шепталин А. А. Немцы на территории Удмуртии в годы Второй мировой войны // Историк и его дело: судьбы ученых и научных школ. Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика, 2008. С. 376–381.

Поступила в редакцию 11.03.2022

Шепталин Алексей Александрович, кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: sheptalin@list.ru

*A.A. Sheptalin***MOBNEMCY (LABOR SOLDIERS) ON THE TERRITORY OF UDMURTIA IN 1941–1945**

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-3-598-603

The article tells about the functioning of groups of Soviet German labor soldiers in the Udmurt ASSR during the Second World War. The object of consideration are labor-mobilized Soviet Germans sent to Udmurtia in 1941 from the eastern regions of Ukraine and Crimea, servicemen from among Soviet Germans removed from military units, as well as labor soldiers sent to Sarapul from Kazakhstan at the end of 1942. The purpose of the article is to clarify a number of little-known facts on the basis of newly declassified archival documents on Germans-special settlers. An important additional tool was the information not reflected in official sources, obtained through interviewing veterans participating in the events. The main stages of the appearance and localization of Mobnemcy at the objects of the national economy of Udmurtia are shown. A general description of their living conditions and relationships with the authorities and the local population is given.

Keywords: Soviet Germans, mobnemcy, labor army, labor soldiers, construction battalions.

REFERENCES

1. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF) [State Archive of the Russian Federation]. F. R-7523. Verhovnyj Sovet SSSR [Supreme Soviet of the USSR] (1937–1989). (in Russian, unpublished).
2. Informacionnyj centr MVD po Udmurtskoj Respublike (IC MVD po UR) [Information center of the Ministry of Internal Affairs of the Udmurt Republic]. F. 60. 4-e Specotdelenie MVD Udmurtskoj ASSR [4th Special Department of the Ministry of Internal Affairs of the Udmurt ASSR]. (in Russian, unpublished).
3. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskij istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Socio-Political History]. F. 17. Central'nyj komitet KPSS [The Central Committee of the CPSU] (1898–1991). (in Russian, unpublished).
4. Central'nyj arhiv Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii (CAMO RF) [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation]. Foundation of the 23rd rifle division. (in Russian, unpublished).
5. Bugaj N. F. K voprosu o deportacii narodov SSSR v 30–40-h gg. [On the issue of the deportation of the peoples of the USSR in the 30–40s.]. Istorija SSSR [History of the USSR], 1989, no. 6, pp. 135–144. (In Russian).
6. German A. A., Kurochkin A. N. Nemcy SSSR v trudovoj armii 1941–1945 gg. [The Germans of the USSR in the Labor Army 1941–1945]. Moscow, “Gotika” Publ., 2000, 206 p. (In Russian).
7. Jong Loui de. Nemeckaya pyataya kolonna vo Vtoroj Mirovoj vojne [German Fifth Column in World War II]. Moscow, 1958, 447 p. (In Russian).
8. Kirillov V. M. Trudmobilizovannye nemcy na Urale [Labor-mobilized Soviet Germans in the Urals]. “...V rabochie kolonny na vse vremya vojny”. Ochevidcy i issledovateli o nemcah v trudovoj armii: Sb. nauchn. statej i vospominanij [“... In working columns for the duration of the war.” Eyewitnesses and researchers about the Germans in the labor army: Collection of scientific articles and memoirs]. Moscow, “MSNK-press” Publ., 2012, pp. 77–125. (In Russian).
9. Kisser T. S. Sovetskie nemcy v trudarmii na Urale: faktory formirovaniya lagernoj identichnosti [Soviet Germans in the labor army in the Urals: factors of formation of camp identity]. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya “Istoricheskie nauki” [Bulletin of Omsk University. The series “Historical Sciences”], 2018, no. 2 (18), pp. 270–279. (In Russian).
10. Malamud G. Ya. Speckontingent. “Mobilizovannye nemcy”, zaklyuchyonnye i specposelency na Urale v 1940-h – 50-h gg. [Special contingent. “Mobilized Germans”, prisoners and special settlers in the Urals in the 1940s–50s.]. Chelyabinsk, 2004, 233 p. (In Russian).
11. Sheptalin A. A. Nemcy v Vyatsko-Kamskom regione (istoriko-etnograficheskie ocherki) [Germans in the Vyatka-Kama region (historical and ethnographic essays)]. Izhevsk, Udmurt State University Press, 1996, 28 p. (In Russian).
12. Sheptalin A. A. Nemcy v Udmurtii: istoriya i sovremennost' [Germans in Udmurtia: History and Modernity]. Izhevsk, “Wiedergeburt” Publ., 2020, 328 p. (In Russian).
13. Sheptalin A. A. Nemcy na territorii Udmurtii v gody Vtoroj mirovoj vojny [Germans on the territory of Udmurtia during the Second World War]. Istorik i ego delo: sud'by uchenyh i nauchnyh shkol [The historian and his case: the fate of scientists and scientific schools]. Izhevsk, “Regulyarnaya i haoticheskaya dinamika” Publ., 2008, pp. 376–381. (In Russian).

Received 11.03.22

Sheptalin A.A., Candidate of History, Associate Professor
of the Department of Theory and History of State and Law
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, 62057, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: sheptalin@list.ru